

К.В. ГРИГОРИЧЕВ

МНОГООБРАЗИЕ ПРИГОРОДА:

СУБУРБАНИЗАЦИЯ В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ (СЛУЧАЙ ИРКУТСКА)¹

Urban Studies and Practices Vol.1 #2, 2016, 7-23
<https://doi.org/10.17323/usp1220167-23>

Пригороды крупных провинциальных городов — региональных центров, растущие за счет притока горожан, стали новым и несколько неожиданным явлением в жизни сибирских регионов России. Заняв серьезное место в повседневной жизни горожан, сформировав новые возможности для бизнеса (прежде всего — мелкого) и новые проблемы для местной и региональной власти, российские пригороды тем не менее остаются фактически вне фокуса внимания и практиков-управленцев, и исследователей. Еще не так давно возможность развития пригородов по образу «одноэтажной Америки» за пределами крупнейших мегаполисов ставилась под сомнение [Булатова, 2008], что вполне убедительно аргументировалось и спецификой российской урбанизации, и уровнем жизни в стране.¹

Бурное развитие в последние 20–25 лет субурбий крупных городов на востоке России, да и в стране в целом, до сих пор остается не оторефлексируемым в академических текстах. Как хорошо показал в недавнем обзоре А. Бреславский [Бреславский, 2016], степень изученности проблем субурбанизации в российской науке совершенно несопоставима с местом, которое она занимает в зарубежных исследованиях. Почти вековая традиция исследований субурбанизации и субурбанизма в Северной Америке, многолетние исследования пригородов западноевропейских и африканских городов резко контрастируют с крайне нешироким спектром исследований на постсоциалистическом пространстве. Однако немногочисленность исследований пригородов в России хорошо заметна даже на фоне разработки пригородной проблематики в постсоветской Европе [Schmidt, 2015; Kladivo et al., 2015; Smigiel, Brade, 2011], Прибалтике

Автор: Григоричев Константин Вадимович, д.соц.н., ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», руководитель научно-исследовательской части (НИЧ).

E-mail: grigoritchev@yandex.ru

Аннотация

В статье на примере Иркутска рассматриваются динамика и формы развития субурбанизации крупного сибирского города. На основе статистических данных о численности населения и характере миграции показывается динамика роста пригородной зоны за счет выезда горожан на постоянное место жительства за город. Через полевые социально-антропологические наблюдения предлагается систематизация форм пригородных поселений на основе характера взаимодействия горожан с внегородским пространством. Показывается, что многообразие форм развития пригорода в условиях сибирской провинции невозможно уложить в рамки той или иной классической модели субурбанизации.

Ключевые слова: субурбанизация; сибирский город; пригородные поселения

[Samarüütel, Selvig, Holt-Jensen, 2010; Leetmaa, Tammaru, 2007] и, конечно, Китае [Feng, Zhou, Wu, 2008; Zhu, Guo, 2014; Zhu, Ma, 2000]. Немногочисленные исследования сибирских авторов [Бреславский, 2014; Григоричев, 2013] оказываются скорее попытками «назвать» проблему, обозначить факт появления феномена в провинциальной России.

Соглашаясь в целом с тезисом А. Бреславского об общем кризисе отечественной социологии и экономики города как о причине отсутствия исследовательского внимания к пригородам [Бреславский, 2016, с. 86], все же отмечу, что российская социология и антропология города развивается довольно динамично. После первых постсоветских попыток социально-антропологического анализа города (см., например: [Российское городское пространство..., 2000]) сформировался большой пласт конкретных исследований и обобщающих работ, очертивших проблемное поле и широкий спектр подходов к социально-антропологическому изучению

¹ Исследование проведено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 16-06-00072а.

города (см., например, [Исследования города, 2010; Вахштайн, 2014] и др.). При всем разнообразии сюжетов, взглядов и уровня этих работ можно, на мой взгляд, констатировать, что проблематика городских исследований прочно закрепилась в российской социологии и антропологии. Немаловажна и возможность обращения современных исследователей к советскому опыту социологических и этнографических описаний города [Соколовский, 2014]. Однако пригородных сюжетов в этом массиве исследований почти нет.

В известной мере объяснением этого может служить новизна рассматриваемого феномена для России или, по крайней мере, ее нестоличных регионов. Однако субурбанизация как новый тренд развития поселенческой структуры, новый образ жизни, сфера управленческих решений нова, например, и для Китая [Harris, 2011; Shen, Wu, 2013]. Это, однако, в отличие от российской ситуации, напротив, повлекло за собой бурный рост числа исследований и публикаций, вызывающих пристальный интерес в мире [Zhu, Hu, 2009; Wu, 2010; Wu, Phelps, 2011]. Иными словами, новизна феномена не предопределяет его «незаметности» для исследователя и, скорее, может стимулировать рост внимания к нему.

Возможной причиной такого положения дел является прочно утвердившаяся в отечественной практике традиция дихотомического описания пространства в рамках оппозитивной пары «город — село» [Вдали от городов..., 2013]. Поляризация пространства, задаваемая таким взглядом, почти исключает наличие чего-либо «между» крайними точками оппозиции. Понимание слитности, континуальности системы расселения отдельными авторами (см., например, [Пацорковский, 2010]) отнюдь не изменяет ситуации ни в научных текстах, ни в законодательстве, ни даже в медиа. Такое описание реальности в рамках «государственного упрощения» [Скотт, 2005, с. 130–131] в России институализировано не только академической традицией, но и через систему административно-территориального устройства страны, структуру органов власти, управления и контроля, фиксируется в языке статистических описаний.

Система статистического наблюдения, основанная на той же дихотомии города и села, не проявляет, а, напротив, скрывает новое явление, размывая его между привычны-

ми сущностями: сельский район, прилегающий к городу, описывается здесь именно как сельская территория, не отличающаяся по типу от иных сельских муниципальных образований. В результате «увидеть» пригород, опираясь на статистические данные, вписать его в логику, например, экономических связей в регионе, а тем более предложить в качестве отправной точки для нового видения таких взаимодействий, становится крайне затруднительно.

С другой стороны, развитие пригородов и субурбанизма с преобладанием неформальных практик, органично вписанных в повседневность и города, и пригородных территорий, затрудняет использование и антропологической оптики. Включенность явления в повседневность порождает известную проблему дистанции между «своим» и «чужим» [Эриксен, 2014, с. 54], разграничения «поля» и «дома» [Гупта, Фергюссон, 2012, с. 12–13], возможности исследовательского взгляда на элементы собственной повседневности как на предмет антропологического описания. Качественный переход от сезонного проживания в загородном доме, «на даче», к постоянной жизни за городской чертой, смену ролей загородного и городского жилища (первое — основное, и второе — временное) крайне сложно зафиксировать и еще сложнее отразить, объяснить. В этом смысле показательно отсутствие устоявшегося названия (и самоназвания) жителей российских пригородов. И в российских медиа, и в академических текстах невозможно найти определения жителей таких поселений, близкого к англоязычному “suburbanites”, “suburban settlers” (буквально — «пригорожане»). Привычное российскому глазу и слуху определение «дачники» имеет все же иную смысловую нагрузку и коннотации, и хотя используется довольно часто, но адекватно обширную группу внегородского населения не описывает.

В этом тексте я попытаюсь показать, как динамичный рост пригородов Иркутска сопровождается диверсификацией пригородного пространства, насыщением его различными формами поселений и способами взаимодействия горожан с внегородским пространством. Свою главную задачу я вижу в том, чтобы предложить возможную систематизацию форм развития пригорода, развивающегося в логике движения горожан за пределы города. Такая систематизация пред-

ставляется мне необходимым инструментом для анализа процесса субурбанизации, протекающего зачастую вопреки существующей организации пространства, системе правовых норм и управленческим практикам.

В качестве эмпирической основы я использую кейс Иркутска как яркий образец динамичного развития пригородов в логике субурбанизационной миграции и опираюсь преимущественно на материалы собственных полевых наблюдений и полуформализованных интервью, проведенных в 2009–2016 гг. с жителями пригородов, муниципальных администраций первого и второго уровня, горожанами (всего более 100 записей длительностью от 20 до 90 минут). Количественный анализ основан на данных государственной службы статистики, о полноте и качестве которых я даю оговорки в тексте.

Первая часть статьи посвящена анализу динамики развития пригородной зоны Иркутска и определению ее специфики среди иных муниципальных образований области. В последующих частях текста я покажу основные формы пригородных поселений, складывающиеся в иркутской субурбии, и попытаюсь предложить их возможную типизацию.

Динамика развития пригородов Иркутска

Одним из наиболее заметных маркеров развития пригородов Иркутска является динамика численности населения. Сложившаяся практика статистического наблюдения и разработки данных о численности населения заставляет обратиться к анализу данных сначала на уровне муниципального района, прилегающего к областному центру, а затем на уровне сельских поселений, входящих в состав района. В связи с этим стоит оговориться, что при анализе статистических данных под «пригородным» районом я понимаю Иркутский сельский муниципальный район, прилегающий к областному центру, территория которого, однако, далеко не полностью может быть определена как пригородная зона. Это замечание достаточно важно с учетом того, что расстояние между Иркутском и наиболее отдаленными поселениями этого района превышает 120 км.

Общей тенденцией демографической ситуации в Иркутской области со второй трети 1990-х годов становится постоянная убыль населения. Между переписями 1989 и 2010 гг.

численность населения области снизилась с 2830,6 до 2428,7 тыс. человек. К началу 2015 г. число жителей области сократилось еще на 13,89 тыс. человек. Таким образом, за 1989–2015 гг. численность населения Иркутской области сократилась на 16,3%, что является вполне типичным трендом этого времени для восточных регионов России [Мкртчян, 2011].

Изменение численности жителей областного центра и прилегающего к нему Иркутского сельского района происходило в этот же период совершенно иначе (табл. 1). В первый межпереписной период (1989–2002 гг.) можно говорить лишь о незначительных отличиях в динамике численности населения пригородного района и областного центра. Но уже в нулевые начинается стремительный рост населения пригородного района: за 2002–2010 гг. число жителей района выросло более чем на 40%, тогда как на остальной территории области убыль населения продолжалась. Эта тенденция сохранилась и после переписи 2010 г., а среднегодовые темпы прироста численности населения в абсолютных показателях даже выросли.

Здесь следует оговориться, что использованные статистические данные хорошо показывают тенденцию, однако не полностью отражают реальную ситуацию. Поскольку текущий учет населения строится на данных о регистрациях по месту жительства, статистическое наблюдение отстает от фактического роста численности жителей района. Материалы похозяйственного учета населения, которые ведутся районной администрацией и включают жителей, «проживающих более года, но не зарегистрированных по месту жительства», показывают, что во второй половине 2000-х годов официальная статистика занижала фактическую численность жителей на 3,7–10,5%. По данным текущего статистического учета, к началу 2010 г. в Иркутском сельском районе насчитывалось около 72,5 тыс. жителей, тогда как по данным похозяйственного учета постоянно проживало 79,9 тыс. человек [Материалы похозяйственного учета...]. Перепись же 2010 г. зафиксировала численность населения района на уровне 84,3 тыс. жителей.

Подобная ситуация стала следствием притока большого числа мигрантов, перебивавшихся в поселения пригородного района на постоянное место жительства. Пригородный район вместе с областным центром на про-

Таблица 1. Динамика численности населения Иркутской области, Иркутска, Иркутского сельского района, тыс. человек

	1989	2002	2010	2015	2002/1989, %	2010/2002, %	2015/2010, %	2015/1989, %
Иркутск	628,5	593,6	587,9	620,1	94,4	99,0	105,5	98,7
Иркутский сельский район	56,9	59,90	84,3	107,0	105,2	140,9	126,9	188,1
Остальные территории области	2145,2	1928,2	1756,5	1687,8	89,9	91,1	96,1	78,7

Источники: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Т. 1. Ч. 1. Табл. 3. Численность наличного населения союзных и автономных республик, автономных областей и округов, краев, областей, районов, городских поселений и сел-райцентров; Всероссийская перепись населения 2002 г. Т. 1. 4. Численность населения России, субъектов Российской Федерации в составе федеральных округов, районов, городских поселений, сельских населенных пунктов – районных центров и сельских населенных пунктов с населением 3 тысячи и более человек; Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 1. Численность и размещение населения; Численность постоянного населения по муниципальным образованиям Иркутской области. Режим доступа: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 08.04.2016).

тяжении последних лет остается единственной точкой притяжения мигрантов. Только за 2011–2014 гг. общая миграционная убыль в регионе составила более 22,9 тыс. человек, тогда как в Иркутске миграция обеспечила прирост населения на 16,2 тыс. человек, а в Иркутском районе – на 15,1 тыс. человек. Коэффициенты миграционного прироста для этого периода (7,7–10,4 для Иркутска и 30,9–59,8 для пригородного района) показывают высокую привлекательность пригородного района [Основные показатели...].

Основу миграционного роста населения Иркутского района составляет внутриобластная миграция с заметным преобладанием выходцев из городских поселений. Основным источником миграционного прироста населения пригородного района стали жители областного центра [Григоричев, 2013, с. 26]. Приток горожан как основа роста пригородных поселений рефлексировался также и сотрудниками поселенческих муниципальных администраций, и жителями района:

«Основной город – это, конечно же, Иркутск, но мы можем говорить также и о городах близлежащих – это Шелехов, Ангарск и так далее, но у них вокруг есть свои, наверное, муниципальные образования, свои населенные пункты... Поэтому они больше тянутся туда...» (сотрудник поселенческой администрации, 2009 г.).

«Кто живет? Конечно, горожане! Ты посмотри сам на пробки на въездах в город по утрам и вечерам! Да вокруг меня сельских нету совсем, одни горожане живут» (житель пригородного поселка, 2015 г.).

Интенсивный миграционный приток привел к бурному росту населения пригородов и их доли в общей численности населения района. В 2007 г. численность жителей поселений, граничащих с городом, составляла около 36,9 тыс. человек (около 64% всего населения района). К началу 2015 г. она выросла более чем в 2,3 раза (до 85,4 тыс. человек) и составляет 80% в общей численности населения. Фактический рост пригородного населения, вероятно, еще более высок, однако в силу специфики статистического учета не полностью отражается в официальных данных.

Тем не менее можно констатировать динамичный процесс роста пригородов Иркутска, основанный на выезде жителей областного центра на постоянное жительство в пригородные поселения. Этот процесс за последние 10–15 лет привел к формированию вокруг регионального центра обширного пояса поселений, радикально отличающихся от остальной территории сельского района по архитектурному ландшафту, системе занятости, мобильностей и т.д. Таким образом, на мой взгляд, можно вполне определенно говорить о появлении новой сущности в дихото-

мии города и села [Вдали от городов..., 2013], которую можно определить как субурбию, внешне во многом схожую с традиционными образами страны пригородов. Безусловно, закономерен вопрос о глубине этого сходства, сопоставимости условий и факторов субурбанизации в сибирской провинции и североамериканских городах. Отчетливо понимая невозможность решения этой задачи в рамках одной статьи, в следующей части моего текста я попытаюсь обозначить некоторые специфические черты рассматриваемой мной субурбии.

Мозаика пригорода: основания для типизации

Важнейшим отличием формирования пригородов Иркутска от «классического» североамериканского пути субурбанизации в послевоенный период [Baldassare, 1992; Jackson, 1985], на мой взгляд, является отсутствие очевидной оппозиции субурбии с городом. В результате проблема определения пригорода в его взаимодействии с городом, вызывающая бурные дискуссии в англоязычной литературе (см., например: [Sharpe, Wallock, 1994; Fishman, 1994; Marsh, 1994]), не только почти не обсуждается исследователями, но и отсутствует в региональном дискурсе. Лишь в последние один-два года администрация регионального центра приходит к необходимости «увидеть» пригород для взаимодействия с ним в новой системе координат [В администрации Иркутска..., 2015]. Однако фактически иркутский пригород по-прежнему остается «в тени» и формируется на основе неформальных практик. Это определяет разнообразие социальных групп, создающих иркутскую субурбию, и чрезвычайно широкий спектр способов освоения горожанами пригорода.

В этом разнообразии — еще одно принципиальное отличие процесса анализируемого кейса от классической североамериканской субурбанизации. Если наиболее динамичный этап развития пригородов в США был связан с высокой социальной гомогенностью, ставшей основанием для периодизации этого процесса («эпоха белых воротничков», «эпоха синих воротничков» [Baldassare, p. 476–477]), то случай Иркутска демонстрирует чрезвычайную неоднородность пригородных сообществ и разнообразие форм пригородных поселений. Гетерогенность пригородного пространства фиксируется исследователями и в современ-

ной американской субурбии [Hall, Lee, 2010; Miller, 2012], где различия между пригородами возникают вследствие конкуренции за ресурсы [Mikelbank, 2004, p. 959]. Это, однако, не означает исчезновения заметных различий между центральным городом и пригородом как по структуре населения [Hall, Lee, 2010, p. 21], так и в особенности по образу жизни [Walks, 2013]. Иными словами, разнообразие и конкурентность пригородов выглядят, по моему мнению, своего рода результатом развития североамериканской субурбии, а не признаком ее возможного заката, как предполагает ряд исследователей [Phelps, Wood, Valler, 2010; Phelps, Fulong, 2011].

Для рассматриваемых мной пригородов Иркутска гетерогенность оказывается не результатом, а, скорее, специфическим путем развития. Полевые наблюдения в пригородном районе обнаруживают самые разнообразные способы освоения пространства: от советских сельско-дачных поселений до закрытых коттеджных поселков, микрорайонов и стихийной застройки сельских поселений переселенцами из города. В этом пространстве пригородные микрорайоны тесно соседствуют с обрабатываемыми сельскохозяйственными полями, а в стремительно разрастающихся сельских поселениях «модерновые» постройки переселенцев из города соседствуют с типично сельской застройкой середины XX в. В этой перспективе в иркутской субурбии проявляются и черты «одноэтажной Америки», и чересполосица «фрагментированной пери-урбанизации» крупнейших городов Китая [Zhu, Guo, 2014].

Такая мозаичность подводит к необходимости некой систематизации и классификации способов освоения пригородного пространства, складывающихся в рамках анализируемого субурбанизационного процесса. Отсутствие систематической статистической информации о пригородных поселениях (здесь главной причиной является не только «невидимость» пригородов, но и слабость муниципальной статистики в целом) делает крайне затруднительным кластерный анализ для типологизации пригородов, апробированный Брайаном Майклбанком [Mikelbank, 2004].

В этой ситуации мне представляется возможным взять за основу для систематизации форм развития пригорода способы взаимодействия с внегородским пространством, фиксируемые через антропологический взгляд

[Эриксен, 2014]. Здесь принципиальным является укрупнение масштаба до конкретного поселения или его части и практик повседневности, фиксируемых через непосредственное наблюдение и качественный анализ. Такой взгляд, как мне представляется, позволяет «увидеть» пригород через появление специфического пространства, не тождественного ни сельскому, ни городскому.

Первым и наиболее существенным критерием для классификации пригородов, на мой взгляд, является преобладающий вектор миграции, на базе которой складываются пригородные поселения, и ее цели и мотивы. На его основе можно выделить, с одной стороны, пригороды, формирующиеся в рамках процесса урбанизации и основанные на миграции селян в сферу притяжения города, а с другой — субурбии, складывающиеся за счет притока горожан. Иркутский кейс, как было показано выше, не позволяет более или менее определенно говорить о вариантах развития пригорода в рамках урбанизационной миграции сельского населения. Здесь я мог бы опереться на результаты исследования в Республике Бурятия [Бреславский, 2016, 2014], однако преимущественно пилотный характер указанных работ и личное незнание с полевыми материалами делает такую работу не результативной.

Поэтому фокус моих рассуждений далее будет связан с субурбанизационным вектором в формировании пригородов, который характерен для Иркутска. В качестве основного критерия, определяющего характер развития пригорода в рамках движения горожан за административную черту города, может быть предложена ориентация мигрантов на временное/сезонное или постоянное проживание вне города. Соответственно, могут быть выделены две основные модели взаимодействия горожан с внегородским пространством: 1) временное взаимодействие (нерегулярное, периодическое, сезонное), при котором загородное жилье не становится основным, и 2) постоянное, когда загородное жилье становится местом постоянного проживания, единственным или основным (первым) жилищем. Ниже я попытаюсь рассмотреть эти модели подробнее.

Горожане вне города: временная модель

В качестве основы для выделения форм взаимодействия горожан с пригородным про-

странством в рамках временной модели я использую классификацию форм «загородной жизни», предложенную Т.Г. Нефедовой [Нефедова, 2001, с. 384–387]. Выделенные ею четыре варианта взаимодействия горожан с внегородским пространством (четыре «вида “усадеб” горожан»: дачи, коллективные сады и огороды, приобретенные или унаследованные дома в деревнях, коттеджные поселки) достаточно широко представлены в иркутских пригородах. Этот перечень может быть дополнен лишь загородными развлекательными центрами, относительно недавно вошедшими в досуговые практики горожан.

а) *Дачи* как исторически сложившиеся места загородного отдыха для иркутских пригородов в целом не характерны. Ключевой причиной, пожалуй, можно считать бурное расширение территории города в советский период. Немногочисленные загородные усадьбы, исторически располагавшиеся за городской чертой, были растворены в городе в процессе его роста и большей частью исчезли. Так, загородный дом с усадьбой В.П. Сукачева, размещавшийся на окраине Иркутска XIX в., сейчас находится фактически в центре города и не воспринимается ни в качестве «дачи», ни в качестве «загорода» [Шостакович, Снытко, Зубриц, 2009]. Как показывает пример Томска [Дегтярев, 2012], сходный процесс поглощения загородных дач, вероятно, был характерен и для других исторических городов Сибири, существенно выросших в XX в.

б) *Коллективные сады и огороды*, сейчас в большинстве случаев определяемые как садоводческие некоммерческие товарищества (СНТ), — одна из наиболее ранних и распространенных форм взаимодействия горожан с пригородом. Как и в других российских городах, в иркутских пригородах СНТ распространены широко, занимают обширные площади и тяготеют к основным федеральным и региональным автодорогам и крупным водным объектам (Александровский и Байкальский тракты, Мельничная Падь, окраины Шелехова, в меньшей степени — Голоустенский тракт). В повседневности именно СНТ определяются как «дачи» (вариант — «сады»), однако ни генетически, ни функционально, ни статусно СНТ не связаны с первой из выделенных форм «пригородной жизни». Наиболее крупные массивы СНТ располагаются относительно недалеко от городской черты, формируя зону ближнего пригорода, исторически выступавшего границей между го-

родской и сельской местностью, своего рода переходной зоной. Используемые почти исключительно в теплый сезон, такие «усадебные горожан» приводят к резкому сезонному росту численности населения пригорода и повышению нагрузки на инфраструктуру сельского района, к которому относятся их земли. Вместе с сезонным притоком дачников в СНТ появляется сопутствующий торговый и в меньшей степени обслуживающий бизнес. Это приводит к довольно распространенному определению подобных «дач» как квазиурбанизации [Голубчиков, Махрова, Фелпс, 2010], или сезонной субурбанизации [Махрова, 2015].

в) *Деревенские дома*. Приобретенные или унаследованные усадебные дома в деревнях в качестве места короткого отдыха и сезонного проживания получили довольно широкое распространение в Иркутске с позднесоветского периода. В отличие от СНТ деревенские дома как форма «усадебных горожан» расположены на достаточном расстоянии от города (от 20–25 км до 100–120 км) и наиболее часто встречаются в поселениях на побережье оз. Байкал, Иркутского водохранилища, р. Иркут. Такие домовладения горожан не формируют законченных массивов («улиц» в сельском обиходе), расположены дисперсно, а их владельцы, в отличие от «зоны летнего распользания Москвы и Санкт-Петербурга» [Нефедова, 2001, с. 386], даже в высокий дачный сезон (июль — август) численно не преобладают над местными жителями. Какой-либо заметной перестройке деревенские дома горожан в большинстве случаев не подвергаются, символизируя сохранение «связи с землей», возможность отстранения от «городской суеты». Здесь наследие советской урбанизации (тесные межпоколенные связи через границу города и села) конструируется в значительной мере рефлексивно, поддерживая идею «все мы вышли из деревни».

г) *Коттеджные поселки*, возникшие как закрытые жилые массивы обеспеченных горожан, выполняющих функцию загородного жилья, сложились вблизи Иркутска в конце 1990 — начале 2000-х годов. Не сформировав заметных самостоятельных поселений, они существенно изменили визуальность населенных пунктов, в пределах которых появились заметные массивы «архитектуры рублевского периода». Резкий контраст с преобладающей в пригороде архитектурно-планировочной средой подталкивает к по-

пытке увидеть в них лицо новых пригородов и выводу о тупиковости субурбанизации в условиях сибирского регионального центра [Корюхина, Куклина, 2014]. Однако ни масштаб распространения подобных поселков, ни их роль в жизни пригородных поселений все же не позволяют сводить субурбанизационный процесс к подобной форме.

д) *Загородные спортивно-развлекательные центры* складываются преимущественно на основе кемпингов и баз отдыха, возникших, в свою очередь, на месте советских пионерских лагерей и ведомственных «домов отдыха». Если в 1990-е — начале 2000-х годов такие кемпинги выполняли функции площадок летнего отдыха детей и мест корпоративных выездов (тимбилдинга), то в последние 10–12 лет значительная их часть переориентировалась на формат «выходного дня». Подобное переформатирование происходит в основном на наиболее популярных направлениях одно-двухдневного отдыха горожан (Байкальский тракт — по направлению к ближайшему поселку на побережье оз. Байкал, окрестности Байкальска, наиболее масштабный горнолыжный курорт «Гора Соболиная» и ряд других). Сами развлекательные центры могут находиться как вблизи города (например, кемпинг-отель «Елочка», расположенный в 20 км от черты города), так и на расстоянии более чем на 40 км (центр отдыха «Тальцы») и 100 км (курорт «Гора Соболиная»). Во всех случаях эти центры отдыха рассматриваются как места проведения выходных и никогда — в качестве возможности для долгосрочного отдыха.

Все выделенные формы, на мой взгляд, объединяет идея временности взаимодействия горожан с внегородской средой. Ни одна из них не становится полноценной «средой обитания», альтернативой городскому жилью как основному месту жительства. Ключевой характеристикой всех этих форм, наряду с обладанием недвижимостью за городом, является «проведение на этой собственности какого-то времени» [Нефедова, 2013]. Исключение — загородные центры отдыха, не предполагающие институализацию связи горожан с внегородским пространством через собственность. Последнее, однако, несколько нивелируется устойчивостью такой связи через принятый образ жизни горожанина, т.е. фактически иным способом институализации.

Горожане вне города: постоянная модель

Формирование новой модели взаимодействия горожан с внегородским пространством на основе постоянного проживания, как я попытался показать выше, имеет пока весьма непродолжительную, но очень динамичную историю. Широкое распространение неформальных практик и отсутствие осмысленного властного регулирования этого процесса определяют разнообразие форм освоения горожанами пригорода. Тем не менее все они могут быть объединены в рамках идеи субурбанизма как образа жизни. Введенное в академический дискурс в середине 1950-х [Fava, 1956] представление о субурбанизме как образе жизни опирается на ряд ключевых отличий жизни пригорода, основной из которых состоит в крайне низкой возможности встретить незнакомца [Walk, 2013]. В случае Иркутска эта идея также имеет существенное значение и нередко максимизируется через представление о возможности формировать если не все сообщество, то ближайшее соседство, в буквальном смысле конструируя сообщество [Григоричев, 2015].

Можно выделить четыре основные формы развития пригорода в рамках постоянной модели: закрытые малоэтажные поселки, нерегулируемая перестройка ближайших к городу сельских поселений, стихийная застройка земель вне населенных пунктов, микрорайонная застройка. Понимая условность предложенных названий, я попытаюсь ниже дать более развернутые характеристики каждой из выделенных форм и обозначить основания для их выделения.

а) *Закрытые малоэтажные (коттеджные) поселки.* В эту форму мне представляется возможным объединить загородные поселки постоянного проживания, застраиваемые по более или менее регулярным планам и обеспечивающие отграничение территории поселка (физическое и/или символическое) от окружающего пространства. Типологически она наиболее близка понятию закрытого сообщества ("gated community"), устоявшемуся в англоязычных исследованиях. Под такими сообществами понимаются жилые комплексы, окруженные стенами, заборами или иными препятствиями, главным свойством которых является создание отличных от окружающего пространства условий [Low, 2003].

Подобные поселения, достаточно широко распространенные в пригородах Иркутска, возникают преимущественно как коммерческие проекты. Сайт компании «Инвест 38» информирует о более чем тридцати подобных поселках, распределенных в зависимости от цены по категориям «элит», «бизнес», «универсал», «эконом» [Коттеджные поселки...]. Наиболее дорогие из этих проектов реализуются в максимально комфортных зонах пригорода, обеспечивающих лучшие экологические условия, рекреационные возможности и транспортную доступность. Мне представляется важным наличие различных категорий подобных закрытых поселков: с одной стороны, ориентация инвесторов на различные категории потенциальных покупателей указывает на спрос на загородную недвижимость среди разных слоев жителей Иркутска. С другой — подобное сегментирование рынка может иметь существенные последствия, связанные с пространственной сегрегацией пригорода по социально-имущественному принципу.

Специфичным вариантом этой формы загородных поселений является формирование закрытых поселков на основе небольших СНТ, на землях которых ведется индивидуальное жилищное строительство. Подобная форма заметно снижает требования к уровню доходов потенциальных жителей поселка при одновременном понижении уровня комфорта и регулируемости планировочных решений. Исследованные в Иркутске кейсы [Григоричев, 2015] показывают, что в отличие от коммерческих коттеджных поселков основу жителей формирующегося таким способом поселения составляют представители нижнего слоя среднего класса, определяемые респондентами самым широким образом: «менты, продавцы, силовики, коммерсы, работаги, интеллигенция всякая» (риелтор, житель пригородного поселка, 2014). Такой вариант развития поселка связан с его «закрытием» не столько с помощью ценового фильтра и визуализации границ поселения, сколько через регулирование состава населения и целенаправленного конструирования сообщества. При этом дистанция от окружающего пространства, необходимая для жизни в «своем мирке», gated living [Brunn, 2006], формируется в большей степени изнутри, что обеспечивает едва ли не большую изоляцию, чем в коммерческом коттеджном поселке.

б) *Перестройка деревень*. Хронологически наиболее ранней и визуально наименее заметной формой освоения горожанами пригорода стало приобретение ими деревенских усадеб и перестройка в благоустроенное жилье. Первые случаи притока горожан в пригород приходятся на середину — вторую половину 1990-х годов. Они были связаны с оттоком работников геологоразведочных предприятий и промышленных компаний из небольших северных городов, которые компактно расселились в пригородных сельских поселениях [Карнауков, 2002]. Это, разумеется, не было началом массового движения горожан в пригороды, однако создало первые «несельские» ландшафты в деревенской застройке.

С начала 2000-х годов горожане начинают приобретать и перестраивать деревенские усадьбы в наиболее близких к городу селах, расположенных по основным автодорогам. Неорганизованный характер миграции обуславливал дисперсность расселения горожан, и первоначально такая застройка не образовывала компактных локальностей. Но уже в начале 2010-х годов в наиболее привлекательных для горожан селах пригорода (расположенных по федеральным или крупным региональным автодорогам в радиусе 25–35 км от областного центра, обладающих развитой для села инфраструктурой, в том числе с одной-двумя полными средними школами) значительная часть усадеб была приобретена переселенцами из города.

Подобная инвазия привела к радикальному изменению архитектурного ландшафта, отчетливо визуализирующего изменения в структуре населения. Изменяются не только облик жилой застройки (современные проекты и материалы, наличие массы нефункциональных архитектурных элементов, обязательное благоустройство на основе локального водоснабжения и водоотведения) и организация пространства усадьбы (исчезновение больших огородов и хозяйственных построек, появление цветников и газонов, комбинирование гаражей и жилых домов под общей крышей и т.д.), пришедший вместе с горожанами торговый бизнес стремительно преобразовал сельские коммерческие объекты из формата традиционного «сельпо» в полноразмерные супермаркеты, полностью сопоставимые по набору товаров с городскими аналогами [Григоричев, 2013].

Здесь возникает принципиальное отличие подобных поселений от деревенских домов горожан, описанных выше. Последние не изменяют ни визуального ландшафта сельских поселений, ни образа жизни их обитателей. В перестраиваемых же деревнях вместе с притоком горожан начинается динамичный процесс трансформации традиционного сельского уклада жизни, что становится основой интенсивного производства пространства [Лефевр, 2012]. Как следствие, такие поселения, номинально оставаясь сельскими населенными пунктами, фактически меняют и визуальность, и функции, превращаясь, по словам респондента, в «село городского типа» (сотрудник сельской администрации, 2010 г.).

в) *Стихийная нерегулируемая застройка*. Генетически эта форма освоения горожанами пригородного пространства, на мой взгляд, наиболее близка показанной выше перестройке деревень. Горожане, не сумевшие приобрести или отказавшиеся от покупки деревенской усадьбы, приобретают участки на окраинах и за пределами сельских населенных пунктов. В большинстве случаев под застройку приобретаются земли сельскохозяйственного назначения, отошедшие в частную собственность при распределении земельных паев между членами распавшихся колхозов. С ростом спроса на загородное жилье эти земли (обрабатываемые или заброшенные) начали скупаться и размечаться под строительство жилья. В результате фактическая площадь пригородных сельских поселений за счет подобной застройки нередко вырастает в два раза и более, выходя далеко за пределы формальной границы населенного пункта.

В отличие от «родительского» сельского поселения планировка такой застройки характеризуется достаточной регулярностью (улицы и переулки размечаются продавцом участков), размеры усадеб и их форма примерно одинаковы. Особенности ландшафта играют здесь минимальную роль, поскольку земли этой категории (сельскохозяйственного назначения) в большей степени располагаются не на пересеченной местности. Вместе с тем в формирующихся поселках не резервируются участки для строительства социальной инфраструктуры, что изначально определяет их «неполноценность» как места для постоянного жительства и закладывает серьезные проблемы на будущее.

Подобная форма пригородного поселения довольно сложна для типизации в рамках представлений о субурбии в силу своей гибридности. С одной стороны, жилищное строительство на землях, где такая деятельность формально запрещена, подталкивает к определению ее как варианта сквоттерских поселений. Вместе с тем подобные поселения иркутских пригородов принципиально отличаются, например, от «само строя» маргиналов и мигрантов из сельской местности на окраинах Улан-Удэ [Карбаинов, 2007]. Земля переселенцами из города приобретает абсолютно легально, и лишь ее использование не по назначению выводит такой поселок за рамки закона. Здесь не складывается конкуренция за землю между нелегальными и официальными жителями города [Brueckner, Harris, 2009], поскольку занимаемое пространство находится достаточно далеко за пределами города. Подобная нерегулируемая застройка может быть определена как транзит от сквоттерского к регулярному поселению среднего класса (процесс, фиксируемый исследователями и в посткоммунистических странах Европы [Pojani, 2013]), требующий не столько инвестиций, сколько эффективного менеджмента [Brueckner, Harris, 2009, p. 48].

г) *Микрорайоны*. Наиболее масштабной формой освоения городом прилегающего пространства с начала 2000-х в Иркутске становится строительство масштабных микрорайонов малоэтажного жилья. Наиболее яркий пример в иркутских пригородах — поселок Луговое, построенный на юго-западной окраине областного центра [Realty Vision...]. Возводимые крупными застройщиками такие жилые массивы ориентированы преимущественно не на индивидуального покупателя, а на различные государственные жилищные программы (переселение из зон затопления при строительстве Богучанской ГЭС, переселение по программе ликвидации ветхого и аварийного жилья и т.д.). Крупные и девелоперские компании, возводящие такие микрорайоны, обещают создание полной социальной и торговой инфраструктуры, необходимой для развития микрорайона, по модели окраинного города (edge city). Такой самодостаточный город, выполняющий функции не только «спальника», но и центра занятости и рекреации, рассматривается рядом исследователей как эффективная альтернатива классической американской субурбии [Garreau, 1991].

Однако микрорайоны, строящиеся в пригородах Иркутска, не предполагают развития собственной системы занятости, за исключением рабочих мест в объектах социальной и торговой инфраструктуры. Рабочие места основной части их жителей сосредоточены в областном центре, равно как и наиболее привлекательные варианты проведения свободного времени, а также торгового и культурного обслуживания. Все это, вместе с близостью к городу и конечным остановкам общественного транспорта, превращает подобные микрорайоны в не более чем еще один городской «спальник».

Особый случай представляет строительство 4-этажных домов с малогабаритным жильем ценового сегмента “low cost” вдоль неосновных автомагистралей на достаточном удалении от города [Экоэнергоград...; Гранд-Строй...]. Декларируемые как микрорайоны комплексной застройки, они до настоящего времени представляют собой несколько многоквартирных зданий, построенных в «чистом поле». В таком виде они выглядят весьма противоречивыми пригородными объектами: строительство на заметном удалении от города и вдали от маршрутов общественного транспорта предполагает высокий уровень автомобилизации их будущего населения. Однако характер видимой застройки и проектные декларации не предполагают возведения какой-либо обеспечивающей инфраструктуры (подземных гаражей или многоуровневых парковок). Заявляемый уровень цен, жилой площади и комфорта показывает ориентацию застройщика на не самые обеспеченные слои горожан, что заставляет сомневаться в способности будущих жителей самостоятельно обеспечивать себя транспортом. Подобное сочетание дает основание видеть в таких пригородных объектах основу не для окраинных городов, а скорее вертикальных трущоб Венесуэлы [Fry, 2012].

При всей разнородности выделенных форм освоения горожанами пригородного пространства в рамках постоянной модели, их объединяет главное — трансформация образа жизни, отражающегося и в визуальности, и в новых функциях пригородного пространства. Здесь, в отличие от временной модели, быстро исчезают традиционные сельские практики, а местное население перенимает модели поведения экс-горожан. Вместе с ростом городской занятости уменьшаются размер и значение подсобных хозяйств, воз-

растает зависимость от сферы торгового и бытового обслуживания, возникает спрос на присмотр за детьми и т.д. Советский дачно-сельский пригород все более очевидно эволюционирует в современную субурбию.

Вместе с тем развитие пригородов Иркутска демонстрирует сразу нескольких вариантов субурбанизации (сквоттерство, малоэтажная субурбия, окраинный город), которые реализуются одновременно и в тесном соседстве. Специфика российских условий, определяющих высокое значение неформальных практик субурбанизации, приводит к тому, что ни один из этих вариантов полностью не воспроизводит модели, разработанные на зарубежном опыте. Исторически сложившиеся практики взаимодействия горожан с внегородским пространством в пределах одного поселения сменяются новыми формами развития пригорода. Да и сами постсоветские формы субурбанизма оказываются динамичными: если в первое постсоветское десятилетие коттеджные поселки были временной моделью, то в последнее десятилетие они чаще оказываются формой постоянного освоения горожанами пригорода.

Выводы

Вопреки распространенному представлению о столичных мегаполисах как о едва ли не единственных зонах развития субурбанизации в России, процесс формирования новых пригородов довольно интенсивно протекает и на периферии. Однако этот процесс остается «не схваченным» статистическими описаниями и протекает вне поля зрения властных структур. Безусловно, сейчас невозможно говорить о масштабной субурбанизации, основанной на движении горожан в пригород. В относительно низкоурбанизированных регионах Сибири пригородные поселения формируются в основном за счет притока мигрантов из сельских поселений, продолжая незавершенный процесс советской урбанизации [Карбаинов, 2007; Бреславский, 2014]. Однако в высокоурбанизированном регионе, в условиях исчерпанного миграционного потенциала села, основу формирования субурбии составляют именно горожане, осваивающие пригород.

Специфические условия развития пригородной зоны, ее фактическое отсутствие в поле зрения власти и, как следствие, отсутствие регулирования субурбанизационного

процесса определяет преобладание неформальных практик возникновения и развития пригородных поселений. Это, в свою очередь, обуславливает многообразие форм этого процесса, которые невозможно уложить в рамки одной-двух наиболее разработанных на американском и европейском материале моделей. Формирующиеся пригороды центра высокоурбанизированного региона, как показывает случай Иркутска, демонстрируют противоречивые сочетания внезаконных практик застройки с регулярной планировкой и современным архитектурным ландшафтом, отсутствием визуальных границ поселения с очевидными признаками закрытых сообществ. И процесс синтеза системы пригородного расселения горожан, вероятно, продолжится, порождая новые формы взаимодействия горожан с внегородским пространством.

Иными словами, выделенные мной формы освоения горожанами пригорода, вероятно, окажутся динамичными и изменчивыми. В пределах одного поселения могут существовать различные формы освоения пригорода, частью сменяющие друг друга, частью сосуществующие. В регионах, где урбанизационная миграция продолжает играть заметную роль в формировании городского и пригородного населения, очевидно, могут возникать смешанные формы освоения пригорода. Однако, на мой взгляд, предложенная систематизация пригородных поселений Иркутска позволяет увидеть не только изменение основы формирования пригорода от урбанизационного к субурбанизационному вектору миграции, но и многообразие форм этого процесса.

Кроме того, такой взгляд позволяет поставить новые исследовательские задачи, связанные с перспективным влиянием пригородного пространства на социальное развитие региона. Вариативность пригородного расселения, многообразие его форм позволяют предполагать будущую функцию субурбии как переходной зоны между сельским и городским сообществами, создающей «лучшее из двух миров» [Storian, 2005]. Вместе с тем многообразие пригородного расселения и путей формирования сообществ ставит вопрос о роли такого многообразия в будущей социальной и пространственной сегрегации города, пригорода и села [Lichter et al., 2010], а также самого пригородного пространства [Hall, Lee, 2010]. О жестком делении приго-

родного пространства, фиксации через него новых социальных статусов и позиций в сибирских пригородах пока говорить достаточно сложно, но мировой опыт субурбанизации позволяет сейчас обозначить эту проблему для дальнейших исследований.

Характер субурбанизации в рамках изученного кейса показывает высокую значимость этого процесса для власти и бизнеса. Сохранение конъюнктуры на рынке жилья подталкивает строительные и девелоперские компании к освоению внегородских пространств. Стремление городских и региональных властей «упорядочить» развитие пригорода, начертить его «карту» [Скотт, 2005]

в соответствии с собственными представлениями о градостроительстве встречается здесь с ответом населения, «производящего» пригородное пространство «в тени» и во многом «вопреки» властным представлениям. Прогнозировать исход и результат этого процесса сейчас крайне сложно, поскольку попытки вписать его в разработанные модели субурбанизации могут увести далеко от реальности. Однако динамичное развитие субурбии будет, несомненно, иметь огромное влияние на формирование социальных, культурных и экономических реалий постсоветского провинциального города.

Литература

- Бреславский А.С. (2016) Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. Социология. Этнология. № 1. С. 79–102.
- Булатова А. (2008) Денис Визгалов: «Дачи – это массовая субурбанизация по-русски» // Экспертный портал IQ НИУ «Высшая школа экономики». Июль. Режим доступа: <http://https://iq.hse.ru/news/177680081.html> (дата обращения: 25.04.2016).
- В администрации Иркутска обсудили Концепцию развития транспортной инфраструктуры города Иркутска и пригорода // Официальный портал города Иркутска. 2015. 23 сентября. Режим доступа: <http://admirk.ru/Pages/V-administracii-Irkutska-obsudili-Kontseptciiu-razvitiia-transportnoi-infrastruktury-goroda-Irkutska-i-prigoroda.aspx> (дата обращения: 25.04.2016).
- Вахштайн В. (2014) Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. № 2. С. 9–38.
- Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб.: Алетей, 2013.
- Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г., Фелпс Н.А. (2010) Применение концепции «окраинного города» для анализа современных процессов урбанизации в РФ (на примере г. Химки) // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 3. С. 48–54.
- ГрандСтрой. Микрорайон «Современник» // Официальный сайт застройщика. Режим доступа: http://grandstroy38.ru/dzerjinsk_about/?yclid=2111630337236536277 (дата обращения: 25.04.2016).
- Григоричев К.В. (2015) Воображенное сообщество: конструирование локальности в неинституализированном пространстве пригорода // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 1. С. 46–56.
- Григоричев К.В. (2013) В тени большого города. Социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск.
- Гупта А., Фергюссон Дж. (2013) Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии // Этнографическое обозрение. № 6. С. 12–13.
- Дегтярев Д.С. (2012) Пригородные зоны городов Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Изд-во АлтГУ.
- Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12.
- Карбаинов Н.И. (2007) «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли // Социологические исследования. № 11. С. 136–140.
- Карнаухов С. (2002) Усть-Куда: когда «чужие» остаются // Байкальская Сибирь: Фрагменты социокультурной карты. Иркутск: Типография № 1. С. 13–19.
- Корюхина И.Ю., Куклина В.В. (2014) Взаимодействие города и села в пространствах пригорода (случай Иркутска) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 3. С. 14–21.
- Коттеджные поселки Иркутска. Сайт компании Инвест 38. Режим доступа: <http://invest38.ru/cottage?&sort=rate&page=> (дата обращения: 25.04.2016).
- Левевр А. (2014) Пространство. Социальный продукт и потребительная стоимость // Социология власти. № 2. С. 190–202
- Материалы похозяйственного учета Комитета по экономике Администрации муниципального образования Иркутский сельский район Иркутской области.

- Махрова А.Г. (2015) Сезонная субурбанизация в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. №. 4. С. 59–67.
- Мкртчян Н.В. (2011) Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 28–41.
- Нефедова Т.Г. (2001) Российские пригороды. Горожане в сельской местности // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ.
- Нефедова Т. Российские дачи как социальный феномен // Интеллектуальная Россия. Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/17838-rossiyskie-dachikak-socialnyy-fenomen.html (дата обращения: 25.04.2016).
- Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований Иркутской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. Режим доступа: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/ru/municipal_statistics/main_indicators/ (дата обращения: 25.04.2016).
- Пациорковский В.В. (2010) Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН.
- Российское городское пространство: попытка осмысления (2000) М.: Московский общественный научный фонд.
- Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005.
- Соколовский С.В. (2014) Городская повседневность, субкультуры и российская городская этнография // Этнометодология. Вып. 18. М.: Наследие ММК. С. 122–143.
- Шостакович Б.С., Снытко Л.Н., Зубрий Е.С. (2009) Завещано потомкам. Иркутск: ООО «Артиздат». Экоэнергоград. Поселок «Ушаковский» // Официальный сайт застройщика. Режим доступа: <http://www.pivovariha.ecoenergograd.ru/> (дата обращения: 25.04.2016).
- Эриксен Т.Х. (2014) Что такое антропология. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Baldassare M. (1992) Suburban Communities // Annual Review of Sociology. Vol. 18. P. 475–494.
- Bruelckner Jan K., Selod H. (2009) A Theory of Urban Squatting and Land-Tenure Formalization in Developing Countries // American Economic Journal: Economic Policy. Vol. 1 (1). P. 28–51.
- Brunn S. (2006) Gated Minds and Gated Lives as worlds of Exclusion and Fear // Geo Journal. Vol. 66. P. 5–13.
- Fava S.F. (1956) Suburbanism as a Way of Life // American Sociological Review. Vol. 21. No. 1. P. 34–37.
- Feng J., Zhou Y., Wu F. (2008) New Trends of Suburbanization in Beijing since 1990: From Government-led to Market-oriented // Regional Studies. Vol. 42 (1). P. 83–99.
- Fishman R. (1994) Urbanity and Suburbanity: Rethinking the Burbs // American Quarterly. Vol. 46. No. 1. P. 35–39.
- Fry A. (2012) Torre David: vertical slum? Pulsamérica. October 25. Режим доступа: <http://www.pulsamerica.co.uk/2012/10/25/torre-david-vertical-slum/> (дата обращения: 25.04.2016).
- Garreau J. (1991) Edge City: life on the new frontier. Anchor books.
- Hall M., Lee B. (2010) How Diverse Are US Suburbs? // Urban Studies. Vol. 47 (1). P. 3–28.
- Harris R. (2011) Suburban Beijing. Housing and Consumption in Contemporary China // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 35. Issue 5. P. 1083–1085.
- Jackson K.T. (1985) Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States. N. Y.: Oxford University Press.
- Kladivo P., Roubínek P., Opravil Z., Nesvadbová M. (2015) Suburbanization and local governance – positive and negative forms: Olomouc case study // Bulletin of Geography. Socio-economic Series / D. Szymańska, K. Rogatka (eds). No. 27. Toruń: Nicolaus Copernicus University. P. 95–107.
- Leetmaa K., Tammaru T. (2007) Suburbanization in countries in transition: Destinations of suburbanizers in the Tallinn metropolitan area // Geografiska Annaler. Series B, Human Geography. Vol. 89. No. 2. P. 127–146.
- Lichter D., Parisi D., Taquino M. et al. (2010) Residential segregation in new Hispanic destinations: Cities, suburbs, and rural communities compared // Social Science Research. Vol. 39. Issue 2. P. 215–230.
- Low S.M. (2003) Behind the Gates: Life, Security, and the Pursuit of Happiness in Fortress America. N. Y.: Routledge.
- Marsh M. (Ms) (1994) Reading the Suburbs // American Quarterly. Vol. 46. No. 1. P. 40–48.
- Mikelbank B. (2004) A typology of U.S. suburban places // Housing Policy Debate. Vol. 15. Issue 4. P. 935–964.
- Miller B. (2012) Not All Suburbs Are the Same: The Role of Character in Shaping Growth and Development in Three Chicago Suburbs // Urban Affairs Review. Vol. 49 (5). P. 652–677.
- Phelps N., Wood A., Valler D. (2010) A postsuburban world? An outline of a research agenda // Environment and Planning A. Vol. 42. P. 366–383.
- Phelps N., Fulong W. (eds) (2011) International Perspectives on Suburbanization: A Post-Suburban World? N. Y.: Palgrave Macmillan.

- Pojani D. (2013) From Squatter Settlement to Suburb: The Transformation of Bathore, Albania // *Housing Studies*. Vol. 28. Issue 6. P. 805–821.
- Realty Vision. Недвижимость Иркутской области. Режим доступа: <http://www.realtyvision.ru/nedvizhimost-ot-zastrojschika/379/> (дата обращения: 25.04.2016).
- Samarüütel A., Selvig S.S., Holt-Jensen A. (2010) Urban sprawl and suburban development around Pärnu and Tallinn, Estonia // *Norsk Geografisk Tidsskrift Norwegian Journal of Geography*. Vol. 64. P. 152–161.
- Sharpe W., Wallock L. (1994) Contextualizing Suburbia // *American Quarterly*. Vol. 46. No. 1. P. 55–61.
- Shen J., Wu F. (2013) Moving to the suburbs: demand-side driving forces of suburban growth in China // *Environment and Planning A*. Vol. 45. Issue 8. P. 1823–1844.
- Smigiel C., Brade I. (2011) Suburbanisierung im östlichen Europa im Zeitalter neoliberaler Stadtentwicklung // *disP – The Planning Review*. Issue 2. P. 27–43.
- Schmidt S., Fina S., Siedentop S. (2015) Post-socialist Sprawl: A Cross-Country Comparison // *European Planning Studies*. Vol. 23. No. 7. P. 1357–1380.
- Storian D. (2005) Making the best of two worlds: Rural and peri-urban livelihood options sustained by non timber forest products from the Bolivian Amazon // *World Development*. Vol. 33. Issue 9. P. 1473–1490.
- Walks A. (2013) Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // *Urban Studies*. Vol. 50 (8). P. 1471–1488.
- Wu F. (2010) Gated and packaged suburbia: Packaging and branding Chinese suburban residential development // *CITIES*. Vol. 27. Issue 5. P. 385–396.
- Wu F., Phelps N.A. (2011) (Post)suburban development and state entrepreneurialism in Beijing's outer suburbs // *Environment and Planning A*. Vol. 43. Issue 2. P. 410–430.
- Zhu J., Guo Y. (2014) Fragmented Peri-urbanisation Led by Autonomous Village Development under Informal Institution in High-density Regions: The Case of Nanhai, China // *Urban Studies*. No. 51 (6). P. 1120–1145.
- Zhu J., Hu T. (2009) Disordered land-rent competition in China's periurbanization: case study of Beiqijia Township, Beijing // *Environment and Planning A*. Vol. 41. Issue 7. P. 1629–1646.
- Zhu J., Ma L. (2000) Economic restructuring and suburbanization in China // *Urban Geography*. Vol. 21:3. P. 205–236.

K. GRIGORICHEV

DIVERSITY OF THE SUBURB:

SUBURBANIZATION IN SIBERIAN REGION (THE CASE OF IRKUTSK)

Author: *Konstantin Grigorichev*, PhD in Sociology, Irkutsk State University, Head of Department for Research.

E-mail: grigoritchev@yandex.ru

Abstract

Using the example of Irkutsk, the article considers the dynamics and development of suburbanization processes in large Siberian cities. Using the statistical data such as population size and migration patterns, the author shows the dynamics of the suburbia's growth resulting from the relocation of the residents outside the city borders. Using socio-anthropological research, the author develops a classification of suburban settlements based on the interaction that the city dwellers have with non-urban space. It is demonstrated that classical models of suburbia are of little help when it comes to the analysis of the diversity of suburbanization processes in the Siberian provinces.

Key words: suburbanization; Siberian city; suburban settlements

References

- Vdali ot gorodov. Zhizn' postsovetsoj derevni (2013) [Away from the cities. Life in the post-Soviet village] / E. Bogdanovoj, O. Brednikovoj (eds). SPb.: Aletejja.
- Breslavskij A.S. (2016) Kakoj mozhet byt' rossijskaja suburbanizacija? [What could be the Russian suburbanization?]. *Mir Rossii. Sociologija. Etnologija* [The World Is Russia. Sociology. Ethnology], no 1, pp. 79–102.
- Bulatova A. (2008) Denis Vizgalov: "Dachi — jeto massovaja suburbanizacija po-russki" [Denis Vizgalov: The Dachi is massive suburbanization in Russian]. *Ekspertnyj portal IQ NIU Vysshaja Shkola Ekonomiki* [Expert portal IQ Higher school of Economics], July. Available at: [http:// https://iq.hse.ru/news/177680081.html](http://https://iq.hse.ru/news/177680081.html) (accessed 25.04.2016).
- V administracii Irkutskaja obsudili koncepciju razvitiya transportnoj infrastruktury goroda Irkutsk i prigoroda (2015) [In administration of Irkutsk discussed the Concept of development of transport infrastructure of the city of Irkutsk and its suburbs]. *Oficial'nyj portal goroda Irkutskaja* [The official website of the city of Irkutsk], September 23. Available at: <http://admirk.ru/Pages/V-administracii-Irkutskaja-obsudili-Kontceptcii-razvitiia-transportnoi-infrastruktury-goroda-Irkutskaja-i-prigoroda.aspx> (accessed 25.04.2016).
- Vahshtain V. (2014) Peresborka goroda: mezhdru jazykom i prostranstvom [Rebuilding the city: between language and space]. *Sociologija vlasti* [Sociology of power], no 2, pp. 9–38.
- Golubchikov O.Ju., Mahrova A.G., Felps N.A. (2010) Primenenie koncepcii "okrainnogo goroda" dlja analiza sovremennyh processov urbanizacii v RF (na primere g. Himki) [The application of the concept of "suburban city" to the analysis of contemporary urbanization processes in the Russian Federation (on the example of the city of Khimki)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [The Moscow University Herald], *Seriya 5. Geografija*, no 3, pp. 48–54.
- Mikrorajon "Sovremennik" [Neighborhood "Contemporary"]. *Oficial'nyj sajt zastrojshhika* [Official site of the developer]. Available at: [http:// grandstroy38.ru/dzerjinsk_about/?yclid=2111630337236536277](http://grandstroy38.ru/dzerjinsk_about/?yclid=2111630337236536277) (accessed 25.04.2016).
- Grigorichev K.V. (2013) V teni bol'shogo goroda. Social'noe prostranstvo prigoroda [In the shadow of the big city. The social space of the suburb]. Irkutsk: Ottisk.
- Grigorichev K.V. (2015) Voobrazhennoe soobshhestvo: konstruirovanie lokal'nosti v neinstitalizirovannom prostranstve prigoroda [Imagined community: constructing the locality in deinstitutionalization space of the suburb]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij* [Maze. The journal of socio-humanitarian studies], no 1, pp. 46–56.

- Gupta A., Fergjussjon Dzh. (2013) *Disciplina i praktika: "pole" kak mesto, metod i lokal'nost' v antropologii* [Discipline and practice: "the field" as a place, method, and locality in anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie* [The ethnographic review], no 6, pp. 12–13.
- Degtjarev D.S. (2012) *Prigorodnye zony gorodov Tomskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [The natural areas of the cities of the Tomsk province in the second half of XIX – early XX v.]. Barnaul: Izd-vo AltGU.
- Issledovanija goroda (2010) [Exploring the city]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum], no 12.
- Karbainov N.I. (2007) "Nahalovki" Ulan-Udje: "ogorazhivanie" prigorodnoj zemli ["Nahalovki" Ulan-Udje: "ogorazhivanie" suburban land]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research], no 11, pp. 136–140.
- Karnauhov S. (2002) *Ust'-Kuda: kogda "chuzhie" ostajutsja* [Ust'-Kuda: when "others" remain]. *Bajkal'skaja Sibir': Fragmety sociokul'turnoj karty* [Baikal Siberia: the Fragments of socio-cultural maps]. Irkutsk: Tipografija No 1, pp. 13–19.
- Korjuhina I.Ju., Kuklina V.V. (2014) *Vzaimodejstvie goroda i sela v prostranstvah prigoroda (sluchaj Irkutskaja)* [The interaction of city and village spaces in the suburbs (the case of Irkutsk)]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij* [Maze. The journal of socio-humanitarian studies], no 3, pp. 14–21.
- Kottedzhnye poselki Irkutskaja [Cottage towns of Irkutsk]. *Sajt kompani Invest38* [The website of the company Invest38]. Available at: <http://invest38.ru/cottage?&sort=rate&page=> (accessed 25.04.2016).
- Lefevr A. (2014) *Prostranstvo. Social'nyj produkt i potrebitel'naja stoimost'* [Space. Social product and use value]. *Sociologija vlasti* [Sociology of power], no 2, pp. 190–202.
- Materialy pohozejajstvennogo ucheta Komiteta po jekonomike Administracii municipal'nogo obrazovanija Irkutskijsel'skij rajon Irkutskoj oblasti [Materials on economic accounting of the Committee on economy of administration of municipal formation rural Irkutsk district of the Irkutsk region].
- Mahrova A.G. (2015) *Sezonnaja suburbanizacija v regionah Rossii* [Seasonal suburbanization in the regions of Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Vestnik of Moscow University]. *Seriya 5. Geografija*, no 4, pp. 59–67.
- Mkrтчjan N.V. (2011) *Dinamika naselenija regionov Rossii i rol' migracii: kriticheskaja ocenka na osnove peregisej 2002 i 2010 gg.* [Dynamics of population of regions of Russia and the role of migration: critical assessment based on the census 2002 and 2010]. *Izvestija Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. *Seriya geograficheskaja*, no 5, pp. 28–41.
- Nefedova T.G. *Rossijskie prigorody. Gorozhane v sel'skoj mestnosti* [Russian suburbs. Citizens in rural]. *Gorod i derevnja v Evropejskoj Rossii: sto let peremen* [Town and village in European Russia: one hundred years of change]. M.: OGI, 2001.
- Nefedova T. *Rossijskie dachi kak social'nyj fenomen* [Russian dachas as a social phenomenon]. *Intellektual'naja Rossija* (Elektronnyj resurs) [Intellectual Russia]. Available at: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/17838-rossijskie-dachi-kak-socialnyj-fenomen.html (accessed 25.04.2016).
- Osnovnye pokazateli social'no-jekonomicheskogo polozhenija municipal'nyh obrazovanij Irkutskoj oblasti [The main indicators of socio-economic position of municipal formations of the Irkutsk region]. *Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Irkutskoj oblasti* [Territorial body of Federal state statistics service of the Irkutsk region]. Available at: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/ru/municipal_statistics/main_indicators/ (accessed 25.04.2016).
- Paciorkovskij V.V. (2010) *Sel'sko-gorodskaja Rossija* [Rural-urban Russia]. Moscow: ISESP RAS.
- Rossijskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmyslenija (2000) [Rossijskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmyslenija]. M.: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond.
- Skott Dzh. (2005) *Blagimi namerenijami gosudarstva* [Good intentions of the state]. M.: Universitetskaja kniga.
- Sokolovskij S.V. (2014) *Gorodskaja povsednevnost', subkul'tury i rossijskaja gorodskaja jetnografija* [Urban everyday life, subcultures and urban Ethnography Russian]. *Etnometodologija* [Ethnomethodology], issue 18. M.: Nasledie MMK, pp. 122–143.
- Shostakovich B.S., Snytko L.N., Zubrij E.S. (2009) *Zaveshhano potomkam* [Bequeathed to the descendants]. Irkutsk: OOO "Artizdat".
- Poselok "Ushakovskij" [Village "ushakovskiy"]. *Oficial'nyj sayt zastrojshhika* [The Official website of the developer]. Available at: <http://www.pivovariha.ecoenergograd.ru/> (accessed 25.04.2016).
- Eriksen T.H. (2014) *Chto takoe antropologija* [What is anthropology?]. Moscow: HSE.
- Baldassare M. (1992) *Suburban communities. Annual Review of Sociology*, vol. 18, pp. 475–494.
- Brueckner Jan K., Harris Selod. (2009) *A Theory of Urban Squatting and Land-Tenure Formalization in*

- Developing Countries." *American Economic Journal: Economic Policy*, vol. 1 (1), pp. 28–51.
- Brunn S. (2006) Gated Minds and Gated Lives as Worlds of Exclusion and Fear. *Geo Journal*, vol. 66, pp. 5–13.
- Fava S.F. (1956) Suburbanism as a Way of Life. *American Sociological Review*, vol. 21, no 1, pp. 34–37.
- Feng J., Zhou Y., Wu F. (2008) New Trends of Suburbanization in Beijing since 1990: From Government-led to Market-oriented. *Regional Studies*, vol. 42 (1), pp. 83–99.
- Fishman R. (1994) Urbanity and Suburbanity: Rethinking the 'Burbs. *American Quarterly*, vol. 46, no 1, pp. 35–39.
- Fry A. (2012) Torre David: vertical slum? *Pulsamérica*, October 25. Available at: <http://www.pulsamerica.co.uk/2012/10/25/torre-david-vertical-slum/> (accessed 25.04.2016).
- Garreau J. (1991) Edge City: life on the new frontier. Anchor books.
- Hall M., Lee B. (2010) How Diverse Are US Suburbs? *Urban Studies*, vol. 47 (1), pp. 3–28.
- Harris R. (2011) Suburban Beijing. Housing and Consumption in Contemporary China. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 35, issue 5, pp. 1083–1085.
- Jackson K.T. (1985) Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States. New York: Oxford University Press.
- Kladivo P., Roubínek P., Opravil Z., Nesvadbová M. (2015) Suburbanization and local governance – positive and negative forms: Olomouc case study. In: Szymańska, D. and Rogatka, K. (eds), *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, no 27, Toruń: Nicolaus Copernicus University, pp. 95–107.
- Leetmaa K., Tammaru T. (2007) Suburbanization in countries in transition: Destinations of suburbanizers in the Tallinn metropolitan area. *Geografiska Annaler, Series B, Human Geography*, vol. 89, no 2, pp. 127–146.
- Lichter D., Parisi D., Taquino M. et al. (2010) Residential segregation in new Hispanic destinations: Cities, suburbs, and rural communities compared. *Social Science Research*, vol. 39, issue 2, pp. 215–230.
- Low S.M. (2003) Behind the Gates: Life, Security, and the Pursuit of Happiness in Fortress America. New York: Routledge.
- Marsh M. (Ms) (1994) Reading the Suburbs. *American Quarterly*, vol. 46, no 1, pp. 40–48.
- Mikelbank B. (2004) A typology of U.S. suburban places. *Housing Policy Debate*, vol. 15, issue 4. pp. 935–964.
- Miller B. (2012) Not All Suburbs Are the Same: The Role of Character in Shaping Growth and Development in Three Chicago Suburbs. *Urban Affairs Review*, vol. 49 (5), pp. 652–677.
- Phelps N., Wood A., Valler D. (2010) A postsuburban world? An outline of a research agenda. *Environment and Planning A*, vol. 42, pp. 366–383.
- Phelps N., Fulong W. (ed.) (2011) International Perspectives on Suburbanization: A Post-Suburban World? New York: Palgrave Macmillan.
- Pojani D. (2013) From Squatter Settlement to Suburb: The Transformation of Bathore, Albania. *Housing Studies*, vol. 28, issue 6, pp. 805–821.
- Realty Vision. Недвижимость Иркутской области. Available at: <http://www.realtyvision.ru/nedvizhimost-ot-zastrojschika/379/> (accessed 25.04.2016).
- Samarüütel A., Selvig S.S., Holt-Jensen A. (2010) Urban sprawl and suburban development around Pärnu and Tallinn, Estonia. *Norsk Geografisk Tidsskrift Norwegian Journal of Geography*, vol. 64, pp. 152–161.
- Sharpe W., Wallock L. (1994) Contextualizing Suburbia. *American Quarterly*, vol. 46, no 1, pp. 55–61.
- Shen J., Wu F. (2013) Moving to the suburbs: demand-side driving forces of suburban growth in China. *Environment and Planning A*, vol. 45, issue 8, pp. 1823–1844.
- Smigiel C., Brade I. (2011) Suburbanisierung im östlichen Europa im Zeitalter neoliberaler Stadtentwicklung. *disP – The Planning Review*, issue 2, pp. 27–43.
- Schmidt S., Fina S., Siedentop S. (2015) Post-socialist Sprawl: A Cross-Country Comparison. *European Planning Studies*, vol. 23, no 7, pp. 1357–1380.
- Storian D. (2005) Making the best of two worlds: Rural and peri-urban livelihood options sustained by nontimber forest products from the Bolivian Amazon. *World Development*, vol. 33, issue 9, pp. 1473–1490.
- Walks A. (2013) Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // *Urban Studies*, vol. 50 (8), pp. 1471–1488.
- Wu F. (2010) Gated and packaged suburbia: Packaging and branding Chinese suburban residential development. *Cities*, vol. 27, issue 5, pp. 385–396.
- Wu F., Phelps N.A. (2011) (Post)suburban development and state entrepreneurialism in Beijing's outer suburbs. *Environment and Planning A*, vol. 43, issue 2, pp. 410–430.
- Zhu J., Guo Y. (2014) Fragmented Peri-urbanisation Led by Autonomous Village Development under Informal Institution in High-density Regions: The Case of Nanhai, China. *Urban Studies*, no 51 (6), pp. 1120–1145.
- Zhu J., Hu T. (2009) Disordered land-rent competition in China's periurbanization: case study of Beiqijia Township, Beijing. *Environment and Planning A*, vol. 41, issue 7, pp. 1629–1646.
- Zhu J., Ma L. (2000) Economic restructuring and suburbanization in China. *Urban Geography*, vol. 21:3, pp. 205–236.